

Слова смолкли, и комнату наполнил дружный кашель.

Главная причина была в том, что такие вещи генерал Хо осмеливался говорить, а они — нет.

Когда импульсивный генерал наконец выговорился, он с глубокой скорбью произнес:

— Цин-эр, неужели у тебя действительно нет другого выхода?

Хо Цин нашел свободное место, сел и, подняв руку, потер переносицу.

— Отец, у нас слишком мало достоверных сведений. Сейчас единственный путь — начать опрашивать людей вдоль дороги из родных мест той женщины, проверять каждого, кто покажется подозрительным.

Стоявший рядом заместитель командующего, господин Юань, подал голос:

— Ох, так мы до скончания века будем искать! Неужели нет способа побыстрее?

Хо Цин ответил:

— Есть, но это рискованно. Самый быстрый вариант — разослать по всей стране ордера на арест, приказав местным чиновникам обыскивать каждый дом. Если перевернуть вверх дном всё Великое Дашэн, след рано или поздно найдется. Но я боюсь, что в итоге мы обнаружим лишь два трупа.

Хо Вэй покачал головой:

— Это не пойдет. Император живьем с меня шкуру спустит.

Хо Цин предложил:

— Тогда, может, объявить о её статусе открыто? За щедрую награду мы наверняка что-то получим. Быть может, она и сама выйдет к нам, приведя ребенка.

Хо Вэй затряс головой, как погремушкой:

— Этот способ уже предлагали при дворе, но старые лисы его в пух и прах разнесли. Сказали, что если её найдут, а она уже замужем, или если ребенок вовсе не от Его Величества, разве не покроет это нас позором перед всем миром?

Хо Цин согласился:

— Верно. Поэтому сейчас самый безопасный метод — тайный розыск. Но времени уйдет немало, императору нужно запастись терпением.

Хо Вэй с силой ударил по столу:

— Неудивительно, что все эти старые лисы разбегаются быстрее друг друга, только и знают, что притеснять меня, простого человека.

*

Вне мира сновидений Чжао Линь уже несколько дней пребывал в забытии.

Придворные лекари чуть ли не поселились в особняке Хо, ежедневно отпаивая пациента лучшими снадобьями. Шрам на груди затянулся, кожа стала нежной и чистой, словно никакого ранения и не было. Однако император упорно не желал приходить в себя.

Ли Чуаньсинь несколько раз присылал прошения о встрече, но семья Хо наотрез отказывалась впускать его на порог. Хо Цин слов на ветер не бросал: кроме императора, ни один человек из дворца не был допущен внутрь.

Если бы так поступил кто-то другой, его бы давно обвинили в мятеже. Но перед Хо Цином никто не смел пикнуть. Человек, способный в столь юном возрасте на равных противостоять самому наставнику Ван Шо, — это не шутки.

Сейчас Хо Цин просто сидел у постели Чжао Линя, перебирая в руках ленту для волос с серебряными подвесками из резного нефрита. Кончик ленты змеился от запястья, спрятанного в широком рукаве, до самой ладони, где он задумчиво сжимал его двумя пальцами.

Его взгляд переместился с ленты на лицо Чжао Линя. Внешне он казался спокойным, но в глубине глаз бушевала буря. Он поднял руку, намереваясь коснуться лица императора, но, словно что-то вспомнив, замер в паре дюймов от его кожи.

В этот момент вошел слуга с докладом: Хого-гун Ван Шо просит аудиенции у ворот особняка.

Хо Цину пришлось отдернуть руку. Он холодно распорядился:

— Проводите его.

— Слушаюсь.

Слуга до самого выхода не смел поднять глаз, низко склонив голову.

*

Ван Шо провели прямо в покои Било, где отдыхал Чжао Линь.

Однако наставник, который, не жалея сил, мчался с фронта, беспокоясь об императоре, даже не спросил о его самочувствии, а сразу начал разговор с Хо Цинем.

— Канцлер Хо, во всем виноваты эти охранники, проявившие самовольство. Я уже наказал их. Если вы всё еще не остыли, можете их проучить.

На коленях рядом с ним замерли те самые тайные стражи, что пытались убить Хо Цина.

Как иронично. Ранен император, а тайная стража извиняется перед вельможей под прикрытием наставника. В комнате полно сановников и воинов, включая самого Хо, но, кажется, никто из них по-настоящему не тревожится за государя. На душе стало неприятно.

Хо Цин помрачнел, в его голосе зазвенел холод:

— Господин наставник, они пытались меня убить, а я должен ограничиться парой побоев?

Выражение лица Ван Шо на мгновение дрогнуло. Он не ожидал, что Хо Цин станет так упрямо цепляться к этой мелочи.

— В конце концов, они — личная стража императора. Разве канцлер Хо посмеет казнить их без воли государя?

— Они ранили своего господина, им следовало бы искупить вину смертью еще тогда, а они имеют наглость жить по сей день. Тот, кто не знает правды, мог бы подумать, что они — личные псы наставника.

Действительно, напор был нешуточный. И почему в его словах слышалась защита интересов императора?

Ван Шо отбросил эту нелепую мысль и уже хотел что-то добавить, как вдруг в комнате раздался голос:

— Раз нужна воля государя, то казните их всех.

Все обернулись и увидели Чжао Линя, который, прижимая руку к груди и тяжело ступая,

вышел из внутренней комнаты.

Кроме Ван Шо, остальные поспешно опустились на колени.

Чжао Линь жестом велел им встать. Хо Цин поднялся, помог ему дойти до главного кресла, а затем быстро вернулся в спальню, принес верхнюю одежду и накинул на плечи императора.

— Ваше Величество, погода похолодала. Вы только пришли в себя после тяжелого ранения, легко простудиться. Лучше вернуться в покои, где нет сквозняков.

Чжао Линь отмахнулся:

— Ничего. Пока не разберусь с этими предателями, я не смогу спать спокойно. Кхе-кхе-кхе.

От сильного кашля Ван Шо поспешил подойти и осторожно похлопал императора по спине.

— Ваше Величество, меня не было всего несколько дней, как же вы довели себя до такого состояния?

Чжао Линь с любопытством и прищуром разглядывал Ван Шо. Он никак не ожидал, что этот первый евнух, вершивший судьбы империи на закате Дашэн, окажется таким — на вид чуть старше тридцати, статный, с пугающе властной аурой. Его черты лица были слишком яркими, а из-за физической неполноценности в них сквозила женственность, отчего он напоминал прекрасную ядовитую змею.

— Слова наставника звучат забавно. Неужели вы думаете, что я сам вогнал себе кинжал в грудь? Если уж на то пошло, если бы не своевременное вмешательство канцлера Хо, эта собака прямо при мне выдернула бы клинок, чтобы я истек кровью на месте.

Он указал на коленопреклоненных стражей и выругался:

— Мои личные охранники не слушали ни единого моего слова, зато беспрекословно подчинялись евнуху Ли Чуаньсиню, да еще и твердили, что исполняют приказ наставника. Неужели наставник желает мне смерти?

Каждое слово било в цель. Лицо Ван Шо вытянулось, рука, поглаживающая спину императора, замерла. За столько лет Чжао Линь впервые говорил с ним в таком тоне.

— Ваше Величество, вы неверно истолковали мои слова. Я лишь беспокоился, что не найду достойной замены, и вы останетесь без защиты.

Чжао Линь усмехнулся:

— С ними я умру еще быстрее. И не только они — всех стражей Черного Тигра казнить, а их предводителя подвергнуть линчи. Мою безопасность отныне поручаю...

Он обвел взглядом комнату и тихо вздохнул: поистине, этот император был полным неудачником.

— ...поручаю канцлеру Хо.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Как только Хо Цин опустился на колени, слова Ван Шо застряли у него в горле. В его голове пронеслись тысячи расчетов: пусть стражей Черного Тигра было немного, но каждый из них — элита, которую он лично тренировал для великих дел. Однако, судя по настрою Чжао Линя, если он не уступит сейчас, между ними ляжет пропасть недоверия. Время для царевубийства еще не пришло, ему нужен Чжао Линь на троне, чтобы удержать государство.

— Поднебесная принадлежит Его Величеству. Это всего лишь несколько охранников, раз хотите — казните.

В тот день палачи на рыночной площади отрубили более десятка голов, кровь залила всю землю. Тот, кого подвергли линчи, принял более трех тысяч ударов, не издав ни звука. Палачи не решились докладывать, что молчал он лишь потому, что ему давным-давно вырезали язык.

А ничего не подозревающий Чжао Линь в это время торговался с системой:

— С чего это прогресс задания всего три процента, если я казнил больше десяти охранников Ван Шо? Ты что, урезаешь мои заслуги?

— Эти десяток человек стоят лишь один процент.

— Эх, бесполезно. А что с моими отметками за эти дни? Это из-за того, что Хо Цин постоянно был рядом?

— Система не помогает пользователю жульничать. Все функции постигайте самостоятельно.

— Черт, а почему я увидел воспоминания оригинала, когда съел твою пилюлю Девяти оборотов?

— Постигайте самостоятельно.

— И вообще, какие отношения были между оригиналом и Хо Цингом?

— Постигайте самостоятельно.

— ...

— Бип — связь с вашей системой прервана.

— Да чтоб тебя!

<http://bllate.org/book/21338/2164925>